

Мяо Сюй, прихватив полицейскую рогатину для задержания преступников и большой пакет, не поехал прямо домой, а завернул в соседнюю лапшичную и заказал огромную порцию лапши с говядиной. Он специально доплатил за лишнее мясо, так что гора говядины сверху выглядела весьма впечатляюще. Мяо Сюй прислонил рогатину к столу, поставил пакет на соседний стул, всыпал в лапшу три ложки острого перца и принялся уплетать обед за обе щеки. Проходившие мимо посетители, видя его грозный вид, предпочитали обходить его стороной. Закончив с лапшой и выпив бульон до последней капли, он поднялся и отправился в путь.

Он вернулся домой, когда Ван Иньи был на работе, а Чжаочжао в школе. В доме было пусто. Мяо Сюй сначала обыскал всё вверх и вниз, но так ничего и не нашёл. Тогда он направился в свою комнату, схватил большой плетёный мешок и поднялся на второй этаж. По сравнению с третьим этажом, в кабинете на втором он нашёл золотистые шерстинки, поэтому посчитал, что этот кабинет заслуживает особого внимания.

Он подошёл, плотно закрыл окно, а затем вытряхнул содержимое мешка. Всё содержимое рассыпалось по полу, и в замкнутом пространстве начал быстро распространяться непередаваемый резкий запах. Мяо Сюй зажал нос, вышел из кабинета и плотно закрыл дверь.

Он спустился вниз, вернулся в свою комнату, сел в кресло, сжимая в руках рогатину, и приготовился ждать. Он специально оставил дверь приоткрытой: стоило услышать хоть какой-то звук снаружи, и он был готов сорваться с места.

Он просидел так с полудня до самого вечера. Время тянулось медленно, в окно пробивался лёгкий ветерок, принося аромат цветов из сада. Солнце медленно клонилось к закату, заливая комнату тёплым золотистым светом, словно на картине маслом. Мяо Сюй сидел не шелохнувшись, чувствуя, как напряжение сменяется сомнением, а затем и растерянностью. День подходил к концу, за горами скрывалось солнце, а в доме стояла мёртвая тишина.

Мяо Сюй поднялся и, прихватив рогатину, ещё раз тщательно осмотрел весь дом. Ничего. Он стоял посреди комнаты, тяжело вздохнул, бросил рогатину на пол, рухнул на кровать и закрыл глаза. Хоть он весь день просидел на месте, это было не менее утомительно, чем слезка на задании. В то же время он почувствовал облегчение: видимо, он действительно накрутил себя, а в доме ничего нет.

Мяо Сюй лежал, анализируя события дня: внезапная проверка в агентстве, засада дома... Он вдруг осознал, что вёл себя как сумасшедший. Мяо Сюю стало стыдно за свои фантазии и за то, что он незаслуженно подозревал Ван Иньи. Кровь прилила к его лицу.

В этот момент у дверей послышался шум. Ван Иньи вернулся с Чжаочжао. Увидев обувь у входа, он удивлённо крикнул:

— А-Сюй! Ты вернулся?

Мяо Сюй промолчал. Ван Иньи помог Чжаочжао устроиться и направился к комнате Мяо Сюя. Видя, что дверь приоткрыта, он вошёл и обнаружил, что Мяо Сюй лежит на кровати.

— Сегодня ты рано, — Ван Иньи подошёл к кровати и посмотрел на него сверху вниз.

Мяо Сюй открыл глаза. Ван Иньи, как и утром, был в том же чёрном костюме. Сейчас, слегка наклонившись, он был обтянут тканью так, что каждая мышца была на виду.

— Лучше не носи этот костюм, — пробормотал Мяо Сюй, краснея ещё сильнее.

Ван Иньи, не привыкший видеть Мяо Сюя таким, испугался:

— Ты заболел? — он положил прохладную, словно из нефрита, ладонь на лоб Мяо Сюя. Это прикосновение было невероятно приятным.

Мяо Сюй прекрасно понимал, что с ним происходит, и чувствовал вину за свои подозрения:

— Не стоило мне приходить к тебе утром.

Ван Иньи сел на край кровати, глядя на него с улыбкой:

— Разве проверка от любимой жены — не дело естественное?

Мяо Сюй, железный сухарь, внезапно уловил шутку. Он бросил на него взгляд:

— Кто тут жена?

Ван Иньи лишь усмехнулся. Мяо Сюй, смутившись, отвернулся к стенке:

— Я очень устал, отдохну немного. Иди готовь ужин.

Но Ван Иньи не только не ушёл, а наоборот, прилёг рядом, опираясь на локоть, и, глядя на Мяо Сюя со спины, прошептал:

— Я тоже устал. Полежу с тобой, закажем еду на дом.

Мяо Сюй почувствовал исходящее от него тепло — у Ван Иньи всегда была высокая температура тела. Совесть мучила Мяо Сюя, поэтому он не стал грозить «приёмами из саньда», позволяя Ван Иньи быть настойчивым. Тот осмелел: он хотел постепенно развеять подозрения Мяо Сюя, но, видя его непривычную мягкость, не смог сдержаться, повернул его к себе и обнял.

В этот момент снаружи раздался пронзительный, хоть и тонкий, «ау-ау-ау». Лицо Ван Иньи изменилось, он пулей вылетел из комнаты в сторону звука.

«Чжаочжао опять изображает тигра?» — Мяо Сюй в замешательстве поднялся, но вдруг что-то вспомнил. Его лицо переменилось. Он схватил с пола рогатину и бросился следом.

Мальш Ван Инчжао, как обычно, вернулся из сада. Услышав от папы, что дядя Мяо дома, он просиял — может, сегодня будет курица? Папа отправил его мыть руки, а сам пошёл к Мяо Сюю. Мальчик помыл руки, подождал — взрослых всё нет. Заскучав, он решил подняться на второй этаж в кабинет, чтобы порисовать.

Он толкнул дверь кабинета, которая почему-то была закрыта, и застыл. Пол был завален кошачьей мятой. Как же вкусно пахнет!

Ван Иньи, услышав крик сына, влетел в кабинет. На полу, среди листьев мяты, катался тигрёнок. Он нежно урчал, тёрся о пол и жевал листья, поджав все четыре лапки. Ван Иньи застыл, не зная, что делать. Он попытался сделать шаг, чтобы поднять сына, но в нос ударил такой концентрированный запах мяты, что в голове помутилось.

«Плохо дело!» — подумал Ван Иньи. Кровь ударила в голову, он не смог удержаться и обратился в тигра. Стараясь не сорваться и не начать кататься по полу вместе с сыном, он подхватил тигрёнка за загривок и нетвёрдой походкой направился к выходу.

На пороге он столкнулся с Мяо Сюем.

Мяо Сюй стоял, выпучив глаза. Он видел огромного тигра, держащего в зубах тигрёнка. Огромная туша, мощные лапы, золотистые глаза, смотрящие на него, как на добычу — это было куда страшнее, чем в кино.

Ван Иньи было тяжело. Он направился к Мяо Сюю, но тот, словно придя в себя, взмахнул рогатиной. С лёгким звоном она выдвинулась до двух метров. Мяо Сюй, как профессионал, принял боевую стойку. Ван Иньи опешил: ??

Полицейская рогатина — раздвижная конструкция с двумя подвижными зубцами на конце — предназначалась для удержания преступников. Мяо Сюй, несмотря на то что рогатина была куплена на Таобао, владел ею мастерски. Он с силой выставил её вперёд. Ван Иньи пришлось отступить, пятясь с тигрёнком в зубах. В тесном кабинете ему было не развернуться.

Ван Иньи не мог ничего сказать, а от запаха мяты начал задыхаться. Он закашлялся, что прозвучало как низкий рык. Мяо Сюй, приняв это за угрозу, стал действовать ещё решительнее. Ван Иньи пошатывался, голова шла кругом. Наконец Мяо Сюй уловил момент, поддел тигра рогатиной, и зубцы сомкнулись на его поясице. Правда, тигр был слишком крупным, и зафиксировать его было сложно.

Мяо Сюй стиснул зубы и налёг на рогатину. Ван Иньи был близок к краху: почему его жена пытается его скрутить?! Он постарался успокоиться. Мяо Сюй заметил, что тигр не нападает, лишь уворачивается, и это его озадачило. Наконец тигр поднял голову и хрипло прорычал:

— А-Сюй, это я.

Мяо Сюй оцепенел. Тигр... заговорил?

— А-Сюй, это Ван Иньи.

Мяо Сюй был в шоке. Тигр не только заговорил, но и назвал себя Ван Иньи. Он решил, что у него окончательно поехала крыша и пора к психиатру. Ван Иньи попытался подойти, но рогатина мешала. Он опустил голову и носом толкнул древко:

— Отпусти, давай поговорим.

— Не двигаться! — скомандовал Мяо Сюй, не доверяя зверю.

Ван Иньи, одурманенный мятой, пытался сохранить ясность:

— Пароль от твоей зарплатной карты — твой служебный номер. У тебя есть квартира в городе. И ты называешь меня «Лао Ван»...

Рука Мяо Сюя дрогнула, он ослабил хватку на рогатине, и тихо прошептал:

— Ты уже знаешь, что у меня есть квартира...

Ван Иньи, видя, что тот засомневался, добавил:

— Если не веришь, ладно. Но посмотри на Чжаочжао.

Мяо Сюй глянул в угол. Тигрёнок лежал кверху пузом и сладко спал. Факт превращения сына окончательно выбил почву из-под ног. Он полностью опустил рогатину.

Вещество в мяте парализовало нервную систему кошачьих, вызывая расслабление мышц. Вскоре силы покинули Ван Иньи, и он рухнул на пол.

***

Когда Ван Иньи очнулся, он понял, что всё ещё в кабинете, но «тонны» злосчастной мяты исчезли. В комнате гулял свежий ветерок, лишь слегка напоминая о запахе, который был куда слабее, чем раньше. Ночной воздух помог ему прийти в себя.

Ван Иньи оперся на лапы и поднялся. Костюм соскользнул с него. Чжаочжао спал рядом, тоже укрытый одеждой, и во сне продолжал грызть свою лапку. Ван Иньи поднял голову и увидел Мяо Сюя, который сидел на полу и пристально смотрел на него.

Ван Иньи отложил свой пиджак в сторону и сказал:

— Спасибо.

Он был уверен, что это Мяо Сюй укрыл их, чтобы они не простудились.

Мяо Сюй молчал, не сводя глаз с тигра.

За прошедший час Мяо Сюй пережил один из самых тяжёлых моментов в жизни. Он стоял перед двумя тиграми и не знал, что делать. Вероятно, кошачья мята подействовала и обездвижила их, но теперь он не понимал: вызывать полицию или звонить в управление лесного хозяйства? А может, лучше скорую помощь, чтобы его самого отправили в центр психиатрии проверить голову?

В конечном итоге он не стал никуда звонить. Он осторожно потыкал рогатиной в большого тигра, убедился, что тот действительно не двигается, и только тогда медленно подошёл ближе.

Поразмыслив, Мяо Сюй решил, что проще всего убрать листья — тигренок он бы ещё поднял, но большой тигр весил несколько сотен фунтов. У него ушло полчаса, чтобы очистить кабинет от мяты. Всё это время тигры не просыпались. Мяо Сюй осторожно подошёл, взял тигренок на руки и положил рядом с большим тигром.

Малыш устроился у него на руках, иногда шевелясь и облизывая лапку, словно тёплый золотистый комочек шерсти.

Мяо Сюй уставился на «золотистый комочек» и подумал... как же это мило. Он был в отчаянии от того, что даже в такой момент его внимание привлекают пушистики. Подавив желание потискать меховой комок, он аккуратно разложил тигренок и большого тигра рядом друг с другом. Всю оставшуюся ночь Мяо Сюй провел рядом с ними, не избавляясь от чувства легкого отчаяния.

Сейчас, когда Ван Иньи и Мяо Сюй смотрели друг на друга, никто из них не мог прочитать мысли собеседника. Ван Иньи при мысли о том, что произошло, чувствовал, как сходит с ума. Не в силах выносить неловкое молчание, он первым спросил:

— Ты не боишься?

Мяо Сюй наконец заговорил, ответив вопросом на вопрос:

— А как ты думаешь, я боюсь?

Ван Иньи: ...

Если бы он действительно боялся, то не стал бы размахивать той большой рогатиной перед тигром, словно Чжао Юнь в битве при Чаншане.

— Я не боюсь, — тихо пробормотал Мяо Сюй, словно пытаюсь убедить самого себя. — Просто мои представления о мире столкнулись с суровой реальностью.

Раз уж дошло до такого, Ван Иньи решил прояснить ситуацию. Прежде всего, он хотел узнать, что произошло с той злополучной кошачьей мятой.

— Это ты всё устроил с кошачьей мятой? — спросил Ван Иньи. Он до сих пор не мог в это поверить. — Зачем, ради чего?

Ван Иньи не мог взять в толк: если Мяо Сюй раскрыл их секрет, зачем было приманивать их мятой, да еще и тыкать в него этой жуткой рогатиной? К тому же, в тот момент Мяо Сюй выглядел таким удивленным, будто ничего не знал заранее. Но в одном Ван Иньи был уверен: он верил, что Мяо Сюй не причинит им вреда.

Мяо Сюй раздраженно взлохматил волосы:

— Ну... я думал, что ты держишь диких животных.

Ван Иньи: ?

— У тебя нет проблем с деньгами, а я наткнулся на кое-какие следы и решил, что ты держишь дома то, чего держать нельзя, и делаешь на этом бизнес, — Мяо Сюй говорил все тише и тише, явно чувствуя себя крайне неуверенно.

Ван Иньи молчал. Молчание было лучшим ответом. Прошло много времени, прежде чем он произнес:

— Ты решил, что я держу дома тигра.

— Не обязательно тигра, тигры слишком большие, — оправдывался Мяо Сюй. — Я думал, это манулы или леопардовые кошки, в общем, решил сначала их поймать.

Ван Иньи бессильно спросил:

— А что потом?

Мяо Сюй туманно ответил:

— Отвезти в управление лесного хозяйства или в службу защиты животных...

Ван Иньи: ...

Это был весь Мяо Сюй: даже в своих фантазиях он не мог отойти от закона.

— Ха-ха-ха! — Ван Иньи становилось все смешнее. Пока он старательно учился готовить по рецептам, Мяо Сюй размышлял, как его поймать.

Тигр лежал на полу, изящно подогнув передние лапы. Он выглядел таким свободным и красивым:

— А если бы я действительно их держал, что бы ты сделал?

Голос Мяо Сюя стал совсем тихим:

— Отдал бы под суд...

Ван Иньи: ...

Хотя он знал, что для Мяо Сюя справедливость превыше всего, на душе все равно было немного горько.

Мяо Сюй явно не хотел продолжать эту тему. Не удержавшись, он еще раз взглянул на прекрасного тигра:

— Теперь моя очередь спрашивать.

Ван Иньи поднял голову, его золотистые глаза смотрели на Мяо Сюя, он слегка подался вперед:

— Спрашивай о чем угодно, я к вашим услугам.

Глядя на этого тигра-джентльмена, Мяо Сюй наконец поверил в реальность происходящего: это действительно Ван Иньи.

— Ты что, оборотень?

Ван Иньи тихо рассмеялся и издал тигриный рык:

— А как ты думаешь?

Мяо Сюй не только не испугался, но даже проникся интересом к тигриному рыку. Значит, тот звук, который он слышал раньше, действительно издавал Чжаочжао? Неудивительно, что Бай Юй как ни пытался, а скопировать не мог.

Он посмотрел на крепко спящего тигренка. Мяо Сюй жалел, что использовал мяту на ребенке:

— Не похоже, чтобы оборотни так легко отключались. С Чжаочжао все будет в порядке?

Ван Иньи повернулся к сыну, опустил голову и лизнул его в макушку. Тигренок во сне отпихнул папину голову лапкой, причмокнул губами и продолжил спать.

Мяо Сюй смотрел на эту картину, испытывая самые противоречивые чувства.

Ван Иньи объяснил:

— Все в порядке, для ребенка это почти как алкогольное опьянение. Мы вовсе не оборотни, мы люди. Просто с нашим видом произошли особые изменения: мы можем переключаться между человеческой формой и формой животных. Почему так происходит — до конца не изучено. Кто-то называет это атавизмом, кто-то — альтернативной эволюцией.

Мяо Сюй старался переварить информацию:

— А есть ли у вас сверхспособности?

— Нет, в обычной жизни мы — обычные люди, только привычки немного тяготеют к животным. А в форме животных мы остаемся обычными зверями.

Мяо Сюй не согласился: тигры совсем не обычные.

— Значит, есть и другие животные? Много ли таких людей? Почему вы скрываетесь?

Ван Иньи ответил:

— Есть и другие, в основном млекопитающие. Нас меньшинство. Хотя в процентном соотношении от обычных людей нас не так уж и мало, из-за нашей особенности мы находимся под защитой высших эшелонов власти. Мы ничем не отличаемся от обычных людей, и ради нашей безопасности, а также ради безопасности других, мы не раскрываем свою личность. Некоторые вообще могут за всю жизнь ни разу не обернуться.

Мяо Сюй примерно понял ситуацию. В любом случае, научная фантастика легче воспринимается, чем сказки про чудовищ. Он посмотрел на тигра: золотистая шерсть, густые черные полосы — он был действительно красив.

— А что будет, если раскрыть личность? — осторожно спросил Мяо Сюй.

Ван Иньи помолчал, прежде чем ответить:

— Правительство разработало специальный препарат. Инъекция плюс сеанс гипноза — и память стирается.

Мяо Сюй мгновенно стал серьезным:

— Это применяют к тем, кто вас обнаружил?

Ван Иньи поднялся и подошел к нему. Огромный двухметровый тигр внушал трепет, но Мяо Сюй не отступил, глядя прямо в золотистые глаза.

— Это крайняя мера. На самом деле мы тоже создаем семьи с обычными людьми, и многие выбирают признаться супругам.

Мяо Сюй, все еще сидевший на полу, поднял голову:

— А почему ты не признался мне?

Тигр пошевелил носом, но ответ застрял в горле:

— Потому что если стейк еще не готов, а тебе скажут, что стейк может превратиться в лосося, ты бы все равно вышел замуж за лосося?

Мяо Сюй: ... Крыть было нечем.

Тигр и человек находились слишком близко. В глазах тигра Мяо Сюй вдруг почувствовал что-то, что задело струну в его душе:

— Можно тебя потрогать?

Ван Иньи склонил голову, подставляя лоб и уши. Мяо Сюй нервно коснулся символа «Ван» на тигрином лбу, провел ладонью по шерсти.

«Я даже кошек не гладил, а тут сразу тигр!» — подумал Мяо Сюй.

«Этот человек предупреждал меня о саньда, а теперь трогает мою тигриную форму!» — подумал Ван Иньи.

Шерсть была теплой и мягкой. Мяо Сюй добрался до ушей: они оказались на удивление изящными и милыми. Не удержавшись, он дернул за ушко. Ван Иньи вздрогнул и издал тонкий скулеж. Мяо Сюй был поражен — это прозвучало почти как кокетство.

Тигр резко отпрянул, лицо его стало свирепым, он оскалился:

— Кто заставляет тебя сыпать столько мяты!

Ван Иньи не стал говорить, что мята действует на больших кошачьих как афродизиак. От большого количества запаха и прикосновений он почти потерял контроль над собой.

— Прости, тебе сейчас плохо? — обеспокоенно спросил Мяо Сюй.

— Нет, просто голова кружится, — ответил Ван Иньи и лег рядом с Чжаочжао. — Я посплю.

Мяо Сюй посмотрел на двух тигров и спросил:

— Вы не можете обернуться обратно?

Тигр замер:

— Конечно, могу.

Мяо Сюй вопросительно посмотрел на него: «Тогда почему не оборачиваетесь?»

Ван Иньи указал на лежащую рядом одежду:

— В форме человека я буду без одежды. Отвернись.

... Мяо Сюй поверил, что они не чудовища: какие же это духи, если им нужна одежда? Он отвернулся, с трудом сдерживая улыбку. Послышался шорох, и Ван Иньи, обнимая тигренка, сказал:

— Готово.

Мяо Сюй обернулся: Ван Иньи снова был в своем черном костюме, высокий и статный, хотя волосы растрепались, а лицо слегка покраснело. Легкое чувство разочарования промелькнуло в сердце Мяо Сюя. Ван Иньи с Чжаочжао на руках пробормотал:

— Я пойду, — и поспешно ушел.

Мяо Сюй медленно принял душ, медленно лег в кровать. Его мысли текли крайне вяло. Возможно, завтра он проснется, и всё это окажется сном.

Он уснул и увидел сон: в детстве он завидовал другим детям, у которых были питомцы, а на день рождения приемный отец подарил ему огромного тигра, который склонил голову и сказал: «Не плачь, дай потрогать ушки».

Утром Мяо Сюй проснулся вовремя, не до конца понимая, реальность это или сон. Но тигр...

был ли тигр настоящим?

Он встал, умылся и вышел из комнаты. В кухне раздавались привычные звуки — Ван Иньи готовил завтрак. Мяо Сюй посмотрел на его спину: «Наверное, вчера все-таки был сон».

Ван Иньи подал на стол булочки и спокойно сказал:

— Садись.

Мяо Сюй наблюдал за ним: он был спокоен и нежен, как всегда. Мяо Сюй совсем запутался.

Он укусил булочку — вкусно, с мясной начинкой. Мяо Сюй знал, что готовит Ван Иньи, поэтому это были покупные полуфабрикаты.

Ван Иньи заботливо произнес:

— Осторожно, горячие. Вчерашнее... надеюсь, ты сохранишь это в тайне.

Мяо Сюй поперхнулся. Ван Иньи подал ему соевое молоко:

— Ешь медленнее. А-Сюй, я знаю, что это трудно принять. Мы поженились скоропалительно, без базы чувств. Я не собирался скрывать это вечно, планировал рассказать, когда мы станем ближе. Но всё раскрылось так рано. Ты можешь считать меня и Чжаочжао... странными, но я готов ждать. Поэтому...

— Поэтому что? — спросил Мяо Сюй.

— Поэтому... не разводишься.

Мяо Сюй: ...Ты слишком много надумываешь.

Неужели он разведется из-за того, что муж — тигр? Наоборот, сказал бы раньше — он бы женился еще быстрее!

Ван Иньи облегченно улыбнулся:

— Не разводишься, не рассказывай другим, остальное пусть будет как прежде.

— Как прежде? — переспросил Мяо Сюй.

— Да, я просто посредник по недвижимости. Мы можем делать вид, что ничего не знаем.

Мяо Сюй прямо ответил:

— Как можно делать вид? К тому же ты не посредник, ты тигр-посредник.

— ... — Ван Иньи вздохнул. — Я не «тигр-посредник»...

Этот диалог был настолько глупым, что Мяо Сюй потерял аппетит.

— Значит, я больше не смогу трогать твои уши?

Ван Иньи странно посмотрел на него:

— Ты хочешь?

В этот момент в дверях показался малыш. Чжаочжао, проголодавшись, пришел искать еду. Он был в человеческом обличье, одежда висела мешком. Кто бы мог подумать, что этот ребенок — тигр?

Запах булочек привлек его внимание. Мяо Сюй взял одну и спросил:

— Хочешь?

Малыш кивнул, но не осмеливался подойти. Ван Иньи вздохнул:

— Дядя Мяо уже знает, скрывать не нужно.

Чжаочжао просиял. Мяо Сюй машинально бросил булочку ребенку.

Малыш в одно мгновение снова превратился в тигренка, подпрыгнул, поймал булочку в воздухе и приземлился бесшумно. Маленький тигр с булочкой в зубах умчался прочь.

Двое взрослых замерли.

...Это точно тигр, а не щенок?

Мяо Сюй вспомнил фразу: «В детстве ты думаешь, что он милый, а когда он вырастает, это он думает, что ты милый».

— Прости, — сказал Мяо Сюй, — я не хотел бросать в ребенка булочку.

Ван Иньи помрачнел:

— Ничего страшного.

Мяо Сюй повернулся к нему:

— Ты до сих пор думаешь, что всё будет «как прежде»? Что можно притворяться, что тигров нет?

Ван Иньи посмотрел на резвящегося тигренка и медленно, с болью в сердце, покачал головой.

<http://bllate.org/book/17638/1648757>